

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>

УДК 340.1:328.185:316.77:81'27(470+571)

А. В. СКОРОБОГАТОВ¹,
А. И. СКОРОБОГАТОВА¹,
А. В. КРАСНОВ²

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

² Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, Россия

ДИСКУРС КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Контактное лицо:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8894-1939, AuthorID: 112765

Скоробогатова Анна Ильдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1793-8161>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3970830/skorobogatova-anna/>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1870-4377, AuthorID: 417078

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Аннотация

Цель: исследование социокультурной и правовой природы феномена коррупции в дискурсивно-коммуникативном контексте.

Методы: методологической основой статьи является синтез дискурсивно-коммуникативной теории Ю. Хабермаса и интегративной теории правовой реальности В. Кравица, ориентирующих на междисциплинарное исследование коррупции как междисциплинарной категории с учетом не только объективных, но и субъективных составляющих. Это определило выбор исследовательских методов (компаративного, герменевтического, дискурсивного).

Результаты: коррупция как явление и отражающая ее междисциплинарная категория детерминирована социальными, культурными и психологическими факторами развития правовой реальности. Выступая в качестве комплексного правового архетипа, она определяет ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации, ориентирует их на осуществление действий, направленных на удовлетворение индивидуальных (реже групповых и социальных) интересов даже при условии их противоречия законодательству. Коррупционное поведение воспринимается большей частью российского общества как модель иерархического взаимодействия субъектов правовой коммуникации, целью которой, по мнению адресата, является повышение эффективности деятельности адресанта. Кроме того, коррупция становится неформальным средством «освобождения» от жестких

© Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В., 2021

© Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I., Krasnov A. V., 2021

и несправедливых, по мнению ряда представителей общества, требований законодательства. В этих условиях успешность институциональной борьбы с коррупцией будет достигнута лишь в том случае, если эта борьба предусматривает не только совершенствование антикоррупционного законодательства, но и противодействие теневым нормам, создание системы антистимулов коррупционного поведения, в том числе идеологически, посредством формирования ценностных установок граждан на неприятие коррупционных практик как непатриотичных и наносящих вред правопорядку и правовой культуре всего общества в целом.

Научная новизна: впервые в отечественной юриспруденции проведено исследование категории коррупции в коммуникативно-дискурсивном аспекте.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании российской правовой реальности, в антикоррупционной деятельности государственных и муниципальных органов, а также в антикоррупционном просвещении.

Ключевые слова: коррупция, правовой дискурс, коррупционная деятельность, противодействие коррупции, правовой архетип, правовая коммуникация, интегративное правопонимание

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В. Дискурс коррупции в российском обществе // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 751–764. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>

The scientific article

A. V. SKOROBOGATOV¹,

A. I. SKOROBOGATOVA¹,

A. V. KRASNOV²

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

² Kazan branch of Russian State University for Justice, Kazan, Russia

DISCOURSE OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN SOCIETY

Contact:

Andrey V. Skorobogatov, Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Anna I. Skorobogatova, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Chair of Pedagogical Psychology and Pedagogy, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: skorobogatova@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1793-8161>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3970830/skorobogatova-anna/>

Aleksandr V. Krasnov, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory of state and law, Kazan branch of Russian State University of Justice

E-mail: field08@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9934-4975>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/3334013>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3971-7305, AuthorID: 355813

Abstract

Objective: to study the socio-cultural and legal nature of the corruption phenomenon in a discursive and communicative context.

Methods: the methodological basis of the article is the synthesis of the discursive and communicative theory of J. Habermas and W. Krawietz's integrative theory of legal reality, focusing on the interdisciplinary study of corruption as an interdisciplinary category, taking into account not only objective, but also subjective components. This determined the choice of research methods (comparative, hermeneutic, and discursive methods).

Results: corruption as a phenomenon and the interdisciplinary category reflecting it is determined by social, cultural and psychological factors of the legal reality development. Acting as a complex legal archetype, it defines the value attitudes of consciousness and behavior of the legal communication participants, orienting them to carry out actions aimed at satisfying individual (less often group and social) interests, even if they contradict the law. Corrupt behavior is perceived by a large part of the Russian society as a model of hierarchical interaction of the legal communication subjects, the purpose of which, according to the addressee, is to increase the effectiveness of the addressee's activities. In addition, corruption is becoming an informal means of "liberation" from the legal requirements, rigid and unfair, according to some representatives of the society. In these conditions, the success of the institutional fight against corruption can be achieved only if this fight involves not only improvement of anti-corruption legislation, but also countering shadow norms, creating a system of anti-incentives for corrupt behavior, including ideologically, through the formation of value attitudes of citizens to reject corrupt practices as unpatriotic and harmful to the rule of law and the legal culture of the society as a whole.

Scientific novelty: for the first time in Russian jurisprudence, a study of the category of corruption in the communicative and discursive aspect was conducted.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activities when considering the issues of the essence and content of the Russian legal reality, in the anti-corruption activities of state and municipal bodies, as well as in anti-corruption education.

Keywords: Corruption, Legal discourse, Corruption activity, Corruption counteraction, Legal archetype, Legal communication, Integrative legal understanding

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Skorobogatov, A. V., Skorobogatova, A. I., Krasnov, A. V. (2021). Discourse of corruption in the Russian society, *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 751–764 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>

Введение

Постановка проблемы. Российская правовая реальность носит транзитивный характер¹, что обуславливает не только ее трансгрессивность, но и ориентацию на исторически сформированные социальные нормы и ценности. В этих условиях коррупция может быть рассмотрена как традиционный для России альтернативный способ разрешения конфликтов и удовлетворения интересов человека [2]. Однако преимущественно этот феномен анализиру-

ется в отечественной науке в контексте противодействия девиантному коррупционному поведению и его влиянию на функционирование правовой реальности, что, в свою очередь, обусловлено доминированием в советской и отчасти в постсоветской науке юридико-позитивистской методологии, фокусирующей внимание лишь на действующем законодательстве и правоприменении. В то же время легальное, а тем более легитимное преодоление любого социального явления невозможно без всестороннего исследования его сущности и содержания не только на онтологическом, но и аксиологическом уровне.

Анализ исследований и достижений. Большое место, занимаемое коррупцией в социальном взаимодействии, и все более активная роль государства в борьбе с ней обусловили большое число работ,

¹ Транзитивность в гуманитарных науках понимается как этап социального развития, «в котором новое состояние общества, культуры, экономики сохраняет наиболее значимые черты предыдущего периода и в то же время начинает приобретать черты следующего, еще не наступившего этапа» [1. С. 24].

посвященных различным аспектам этого социального феномена. Понятие и сущность коррупции как социального, психологического и правового явления стали предметом изучения не только российских ученых (В. В. Астанин [3], И. И. Бикеев [4], Я. И. Гилинский [5], П. А. Кабанов [6], В. Н. Кудрявцев [7], А. В. Куракин [8], В. В. Лунеев [9], А. В. Наумов [10], В. А. Номоконов [11], Ю. А. Тихомиров [12], Ю. В. Трунцевский [13] и др.), но и зарубежных авторов (О. Димант [14], Р. Кройз [15], М. Джонстон [16], С. Роуз-Аккерман [17], Дж. Тирол [18], Д. Торселло [19], Дж. Ханденхаймер [20], Чонг Сун Ю [21] и др.). Эти работы создали основу для междисциплинарных исследований феномена коррупции, в соответствии с которыми определена **цель статьи** – исследование социокультурной и правовой природы феномена коррупции в дискурсивно-коммуникативном контексте.

Методологической основой статьи является комплекс идей, разработанных в отечественной и зарубежной гуманитарной науке постклассической направленности. Прежде всего, речь идет о дискурсивно-коммуникативной теории Ю. Хабермаса [22], позволяющей рассмотреть правовые феномены через призму их интерпретации, нашедшей отражение в юридических текстах и поведении субъектов правовой коммуникации. Во-вторых, мы основывались на разработанной В. Кравицем интегративной теории правовой реальности [23], ориентирующей исследователей на выработку междисциплинарной методологии, позволяющей максимально полно представить образ изучаемого правового явления с учетом не только объективных, но и субъективных характеристик. Применительно к российской правовой реальности эти идеи конкретизированы в работах А. В. Полякова [24] и И. Л. Честнова [25]. Синтез данных методологических подходов позволяет исследовать коррупцию не только онтологически, но и аксиологически, через призму правовой культуры, в контексте ценностных аспектов правосознания и поведения участников правовой коммуникации.

Результаты исследования

Несмотря на активную борьбу с коррупцией, ведущуюся государством, довольно большая часть россиян зачастую воспринимает это явление позитивно в ключе допустимого поведения, видя в нем

специфичный способ обеспечения правового взаимодействия. Это можно рассматривать как своеобразную конвенцию о взаимном удовлетворении индивидуальных интересов. В общественном сознании формируется дискурс коррупции², принципиально отличный от признаваемого официально [28].

Коррупция выступает в качестве средства достижения общественного согласия между властью и населением, способом легитимации государства и права [29], связанным с аномией российского общества, возникшей как реакция на деидеологизацию и ориентацию на бездуховность и приоритет материальных благ, характерные для России рубежа XX–XXI вв. При этом необходимо учитывать не только явные проявления коррупции, но и латентные формы ее существования [30], включая социальное одобрение и установку на совершение коррупционных действий. Кроме того, для коррупции в России характерны глубокие исторические корни: централизация государства вокруг монарха или иного единоличного лидера периодически приводила к гипертрофии государственного механизма, его отчуждению от населения, следованию собственным целям вопреки интересам населения, что также выливалось в соответствующие коррупционные действия. С другой стороны, для большей части населения коррупция становилась средством защиты, ухода от несправедливости, способом некоторого «избегания» непомерных требований аппарата чиновников [31].

В российском обществе трансформируется понятие коррупционного действия как преступного явления: правонарушение (с позиции официального права) для многих слоев населения становится допустимым и даже приемлемым деянием, если оно позволяет удовлетворить индивидуальные интересы человека. Допустимость таких действий оценивается как лабильная в переходный период морали, основанной на негативном отношении к несправедливому

² В современных гуманитарных науках под юридическим дискурсом понимается совокупность правовых текстов, т. е. вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений [26. С. 83]. Исходя из этого, дискурс коррупции можно рассматривать как совокупность правовых представлений о коррупции как правовом и социокультурном явлении, которые сформировались не только в законодательстве, но и общественном правосознании. (Подробнее о коррупции как социально-правовом явлении см. [27].)

государству и необходимости решения собственных проблем наперекор его воле, а также в контексте сложившихся обычаев во взаимоотношениях в рамках так называемого социального (или теневого, неформального) права, которое актуализируется в науке в связи с использованием антрополого-правовых, культурологических и социологических методов исследования. Незаконность деяния становится ценностной установкой правосознания и правового поведения, способной обеспечить не только выживание индивида и его адаптивность к социальной транзитивности, но и гарантировать максимально возможное в ситуации иерархической правовой коммуникации удовлетворение потребностей человека.

Стремление идентифицировать себя с определенной социальной группой (когда речь идет об устойчивых группах, в целом ориентированных на коррупционное поведение в целях осуществления властных функций, удовлетворения интересов и (или) максимизации прибыли) ориентирует человека на восприятие правовых знаний и ценностей группы и совершение действий, им соответствующих, даже в случае их несоответствия позитивному праву. Это приводит к стиранию границы между официальным (дозволенным, разрешенным) и теневым (соответствующим индивидуальным и (или) групповым интересам) правом, а потому откаты, взятки и другие проявления коррупции не рассматриваются в качестве правонарушений.

Исходя из этого, коррупционные действия можно рассматривать как специфичную форму правового поведения, являющегося противоправным объективно, но правомерным субъективно (с позиций его соответствия теневого праву). Истоки такой ситуации лежат в правовых архетипах [32], которые мы рассматриваем как модели поведения индивида, внутригрупповой и межгрупповой коммуникации, сформировавшихся в правовой ментальности человека под влиянием социального правового опыта³. В этом плане особенно заметным становится противоречие между сущим и должным в юридических исследованиях: и если юридический позитивизм ориентирован лишь на описание должного, «комментаторство» законодатель-

ства, то коммуникативная методология дает возможность исследовать реальные правовые и социальные практики, а также их обусловленность различными социокультурными факторами.

В соответствии с характерной для традиционного сознания бинарной оппозицией добра и зла архетипы можно классифицировать на позитивные (обеспечивающие социальную стабильность и ведущие к социальному и правовому развитию) и негативные (способные привести к кризису общества и государства). К последним можно отнести коррупцию, имеющую в российском обществе архетипические черты [34]. Однако негативность восприятия коррупции как архетипа неоднозначна и зависит как от социальных, так и от психологических факторов.

Несмотря на активное противодействие коррупции со стороны государства, отношение к этому явлению в обществе намного сложнее. Рассматривая коррупцию как модель вертикальной правовой коммуникации, человек оценивает это не только отрицательно, но и положительно в контексте достижения конвенционального результата правового взаимодействия. Факт коррупционного поведения при этом можно рассматривать как конвенцию не только внутри группы, с которой себя идентифицирует человек, но и в качестве аналога общественного договора между гражданином (взятодателем) и государством (в лице конкретного должностного лица, берущего взятку): гражданин реализует свой интерес более эффективным образом, а также одновременно защищает себя от возможных дополнительных ограничений со стороны государственной власти.

При таком подходе коррупция обеспечивает социальный компромисс власти и человека и выступает специфичной формой легитимации власти [35]. Отметим, что легитимация государственной власти в данном случае выступает как категория фактического, а не формально-юридического порядка. Поэтому источником легитимации вполне могут выступать социальные явления, носящие с точки зрения действующего законодательства противоправный характер (поскольку с позиции неформального, неписаного права, складывающегося в обществе, противоправность может быть неочевидной либо вовсе отсутствовать). При этом стирается граница между позитивным и неофициальным правом [36], а откаты, взятки и другие проявления коррупции приобретают

³ Подробнее об особенностях и содержании российского правового архетипа изложено в ряде наших статей (см. напр., [33]).

не только массовый и регулярный, но и системный характер [37].

Следует отметить, что подобная система регулирования отношений посредством неписаного права с использованием коррупционных элементов характерна для целого ряда стран, общество которых находится в транзитивном состоянии. Сохранение черт традиционного общества в сочетании с попыткой внедрения «сверху» законодательства европейского и североамериканского типа с идеями верховенства права, правового государства и прочими ведет к существованию параллельных друг другу правовых систем, конкурирующих между собой, причем отнюдь не в пользу официального позитивного права [38]. Одним из элементов неофициальной правовой системы и выступает коррупция в своей архетипической ипостаси.

Возникновение архетипа коррупции, как и других правовых архетипов, происходит еще в первобытном обществе и связано с условиями организации социальной жизни [39]. Одним из первых архетипических векторов является стремление к увеличению материального благосостояния как свидетельства высокого социального статуса. Если первоначально это достигалось лишь личной доблестью и реципрокным обменом [40], то в современном государственно организованном обществе, для которого характерен еще больший примат материальных ценностей над духовными [41] (в том числе правовыми), это выражается в различных проявлениях коррупционного поведения. Несмотря на относительно высокие легальные доходы государственных служащих и иных субъектов, от воли которых зависит удовлетворение потребностей индивида, коррупция воспринимается как необходимый элемент (эталон) организации правовой жизни, является правовой максимой российского общества [42].

Однако коррупция представляет собой не только стремление к материальному благосостоянию. Это более сложное явление, которое следует рассматривать как комплексный архетип, включающий в себя отдельные архетипы, связанные с социальным взаимодействием разноуровневых субъектов. При коррупционной коммуникации один из субъектов наделен полномочиями, позволяющими ему удовлетворить потребности другого индивида. Несмотря на социальный характер такого взаимодействия,

усиление его материальным компонентом, по мнению участников, способно ускорить и облегчить решение вопроса.

Истоки подобного типа правовой коммуникации обнаруживаются в архетипе власти, сформировавшемся еще в первобытном обществе. Он имеет сакральное содержание, основанное на культе силы (выражающем могущество власти) правителя (происхождение которого связано с животным или легендарным героем, являющимся родоначальником и покровителем рода), рода (разделяющего окружающих на своих и чужих), патерналистской психологии, ориентации на жертвенность.

Облеченный властью человек уподобляется субъекту, наделенному сакральными полномочиями. Взятка при этом может рассматриваться как сакральная жертва, а услуга, получаемая взамен, приобретает черты сверхъестественного чуда. С одной стороны, человек рационально понимает, что решение вопроса, с которым он обратился к субъекту, облеченному властью, является обязанностью последнего. С другой стороны, иррационально он верит, что только дача взятки приведет к реальному удовлетворению его интересов, и воспринимает окончательное разрешение проблемы как сакральный феномен. При этом необходимо учитывать, что в традиционном сознании идущая от бога вертикаль власти носит мужской характер. Следствием этого является как достаточно негативное восприятие женщин, облеченных властью, своеобразных узурпаторов сакральных полномочий, так и большая сложность дачи взятки женщине, чем мужчине.

Коррупция, как дароприношение, выступает аналогом искупительной жертвы, адресат которой имеет сакральный смысл. Дар может приноситься как до, так и после решения вопроса. Если в последнем случае дароприношение рассматривается как прямая благодарность, то в первом воспринимается в качестве благодарности за будущие деяния. При этом дар является необходимым элементом коммуникации субъектов с разным статусом, а его отсутствие – как потенциальная угроза для их дальнейшего взаимодействия.

Государственный служащий, беря взятку, уподобляется субъекту, имеющему сакральные полномочия на осуществление власти и совершение действий, являющихся атрибутом власти, в том числе получение

даров. При этом действует традиционная властная закономерность: тем выше положение чиновника, тем больше власти он имеет и тем на больший размер взятки может рассчитывать. Поэтому наибольшие взятки получают государственные служащие высшего уровня, являющиеся монополистами в своей сфере.

Взятка, приобретая черты дара, выступает как правомерное поведение. Напротив, антикоррупционное поведение, соответствующее норме позитивного права и формально являющееся правильным и правомерным, воспринимается субъективно в качестве неправомерного, поскольку носит «аморальный» характер и связано с эгоизмом человека, стремящегося выделиться из общества (поступает вопреки устоявшимся правилам). Коррупция тем самым приобретает черты ритуала, позволяющего власти (и конкретным ее носителям) утверждать, воссоздавать и демонстрировать человеку, социальной группе (реальной и номинальной) и (или) обществу свое символическое назначение. В обмен на это власть получает легитимацию своих действий.

В условиях сакрализации власти и ее носителей коррупционные отношения рассматриваются многими людьми как этичное и социально легитимное явление. Поскольку данные отношения являются традиционными, а их правильность и необходимость подтверждена авторитетом предков, «коррупционная благодарность» воспринимается как адекватное, социально одобряемое поведение. В то же время антикоррупционное поведение, особенно со стороны индивида, облеченного властью, воспринимается как эгоистичное и лишенное человечности [43].

Коррупционная коммуникация несет в себе ритуальные черты не только социально, но и политически. Ритуал коррупции позволяет референтным группам сконструировать метафизически и исторически обоснованный символический образ надсоциального субъекта, призванного не только регулировать правовое взаимодействие, но и способствовать удовлетворению индивидуальных и социальных интересов человека. В обмен на это они получают социальное признание и моральное оправдание. Прежде всего, подобное восприятие коррупционного взаимодействия характерно для властных отношений, в которых индивид выступает как адресат коммуникации, а государство – в качестве адресанта.

Не столь явно это проявляется в коррупционных взаимодействиях с субъектом, не имеющим прямого отношения к государственному аппарату, но тем не менее облеченному определенной властью и полномочиями решать вопросы, прямо затрагивающие интересы человека. В этом случае коррупционный ритуал обеспечивает более высокую степень доверия в социальном взаимодействии, следствием которой должно стать более быстрое или более эффективное решение проблемы.

Коррупция как специфичная форма вертикальной правовой коммуникации предполагает, что адресат для удовлетворения индивидуальных (реже групповых или социальных) интересов использует материальные и нематериальные средства неформального характера при обращении к адресанту, будучи уверенным в том, что отсутствие такого «хабара» приведет к негативному результату. Одновременно адресант рассматривает «хабар» как необходимый элемент иерархической коммуникации, своеобразное проявление уважения и благодарности к его «нелегкому» труду.

Коррупция при этом выступает как конвенциональный результат правовой коммуникации, содержащий архетипические ценностные установки правового сознания и поведения на совершение действий, не только допустимых, но и необходимых для удовлетворения интересов человека и общества, даже если они противоречат официальному праву. На первое место выступают социальные ценности и нормы, определяющие, что коррупционное поведение является необходимым условием развития и функционирования общества и естественным психологическим состоянием человека. Борьба же с коррупцией является элементом правовой политики референтных групп, связанным не с ее преодолением, а с перераспределением социальных ролей.

Как показывают современные исследования, коррупционное поведение имеет не только социальную, но и психологическую составляющую [44]. С одной стороны, индивидуальный опыт правовой коммуникации ориентирует индивида на удовлетворение своих интересов, допуская возможность выхода за пределы комфортного социального пространства ради достижения цели, включая элементы девиантного поведения с элементами коррупционной направленности [45]. С другой стороны, социальный правовой

опыт показывает, что коррупционное поведение не является полностью негативным явлением. Общество не только терпимо, но зачастую и с одобрением смотрит на его проявления со стороны своих членов [46]. Это находит отражение в пословицах и поговорках: «Не подмажешь – не поедешь», «В суд поди и кошелек неси, а то скажут: завтра», «Когда карман сух, тогда и суд глух», «И умный берет, когда глупый дает» [47].

Распространенность коррупции в разных сферах жизни, существование ее как массового явления превращают ее в элемент повседневности. Коррупция воспринимается как национальная черта, исторически сложившийся элемент правовой культуры [48]. Распространенность коррупции и привычность к ней населения, особенно в тех сферах общественной жизни, которые определяют порядок и условия ее существования и развития (управление, здравоохранение, образование, сфера услуг), становится для человека культурной нормой.

Формирование понимания коррупции прежде всего определяется существованием нескольких ментальных моделей, которые фиксируют самые распространенные в обществе особенности восприятия коррупции и факта ее существования.

1. *Персонализация коррупции*, связанная с ассоциацией коррупции в определенной сфере с определенной известной персоной (полковник Д. В. Захарченко как символ коррупции в правоохранительных органах, министр экономического развития РФ А. В. Улюкаев в качестве образа «чиновника-коррупционера» и т. д.) или с обобщенным образом (например, «депутаты», «политики», «судьи», «власть» и т. д.). Деятельность по противодействию коррупции при этом получает персонализированный характер: «Надо противодействовать не системе или институту, а определенным лицам».

2. *Стереотипная маркировка отдельных сфер как коррумпированных на основании лишь широкого спроса к ним среди населения*: организации образования, медицинские учреждения, суды, правоохранительные органы, органы самоуправления разных уровней. Хотя «хабар» (подношение, взятка, подарок и т. д.) могут брать все, деятельность учреждений, которые не ведут прием рядовых граждан, не предполагает открытого мздоимства. Поэтому такие учреждения считаются менее коррумпированными. «Хабар» здесь

рассматривается как условие эффективности действия определенных институтов.

3. *Отсутствие в большей части общества отношения к коррупции как к противоправному поведению*, связанное с распространенным в обществе стремлением оправдывать коррупцию в ситуациях, которые выгодны человеку. Подобное отнесение определенных действий к коррупционным в зависимости от конкретных жизненных обстоятельств свидетельствует о высокой терпимости и функциональном отношении к коррупции со стороны населения. При этом коррупция как форма правовой коммуникации воспринимается как единственно возможный вариант действий, приводящих к позитивному результату (удовлетворению интересов человека (группы) и (или) достижению бесконфликтного сосуществования).

4. *Вынужденный характер коррупции*. Данная модель формируется в процессе социального правового опыта и предполагает, что коррупция вынужденно носит конвенциональный характер. Человек уверен, что отсутствие коррупционных составляющих в его действиях будет иметь для него отрицательные последствия.

5. *Ситуативная оценка коррупции*, предполагающая зависимость отношения к коррупционному поведению от особенностей коррупционной коммуникации. Если субъект является адресантом коммуникации (человеком, берущим взятку), то он положительно оценивает такое поведение. Если же он выступает адресатом (взятодателем), то оценивает факт коррупции негативно. При этом пятая модель не существует в чистом виде. Как правило, она сочетается с одной из вышерассмотренных моделей.

Несмотря на многообразие моделей коррупционных практик, коррупционное поведение человека может быть представлено в двух формах. Во-первых, следует говорить о коррупционных действиях, носящих прямой характер и совершаемых лицами, имеющими определенные институциональные полномочия для решения каких-либо вопросов, но осуществляющих их либо вне должностных полномочий, либо изменяя порядок рассмотрения в соответствии с получаемой материальной выгодой. Во-вторых, возможны коррупционные действия обратного порядка, совершаемые гражданами, обращающимися к должностным лицам для удовлетворения своих

потребностей и предлагающие им определенное материальное вознаграждение в случае успешного и (или) ускоренного решения вопроса.

В зависимости от мотивации и характера коррупционных действий субъектов коррупционной коммуникации можно разделить на несколько групп. Для первой группы характерно активное восприятие коррупционных правил. Коррупционное поведение рассматривается как соответствующее социальным стандартам и являющееся необходимым элементом удовлетворения не только индивидуальных, но и социальных интересов. Вторая группа, несмотря на понимание антиюридической направленности коррупционного поведения, вынужденно совершает такие действия, считая, что без них невозможно удовлетворение индивидуальных интересов. К этой группе можно отнести не только собственно коррупционеров (хотя и менее активных, чем в первой группе, действующих не системно, а ситуативно), но и обычных граждан, совершающих коррупционные действия обратного порядка. Третья группа является самой массовой. Представители этой группы, не совершая сами коррупционных действий, пассивно относятся к наблюдаемым примерам коррупционного поведения, осуждая их, но признавая, что от их действий ничего не зависит. Четвертую группу составляют люди с активной жизненной позицией, не только не принимающие любых коррупционных действий, но и активно борющиеся с ними. Речь идет не только о законодателях и правоприменителях, для которых борьба с коррупцией является обязанностью, но и обычных гражданах. Ведущаяся в России антикоррупционная политика, в том числе просвещение населения [49], способствует тому, что численность четвертой группы расширяется, хотя и недостаточно быстро.

Становится очевидным, что мероприятия по противодействию коррупции в нашей стране не могут сводиться исключительно к закреплению ограничений и санкций за соответствующее поведение в формально-юридическом плане. В связи с тем, что коррупционные действия опосредствуются неформальным, теневым правом (в антрополого-правовом и культурологическом понимании; в нормативистском такие нормы трактуются как обычаи и мораль), основной целью антикоррупционной политики должно быть формирование ценностных установок и моделей

правомерного поведения с позиций официального права, направленных на вытеснение соответствующих практик, а также идеологическая работа с разными слоями населения с целью снижения распространенности архетипических представлений, лежащих в основе оправдания коррупции как допустимого поведения. Поскольку в качестве доминирующей идеологии в России рассматривается патриотизм, вытеснение коррупции должно происходить и посредством формирования представлений о конечном приоритете общественных интересов, поскольку эффективное правовое государство способно обеспечить действие механизмов реализации интересов личного и индивидуального характера и их гармонизацию. Коррупция должна позиционироваться как антипатриотичная модель поведения.

Выводы

Коррупция как явление и отражающая ее междисциплинарная категория детерминирована социальными, культурными и психологическими факторами развития правовой реальности. В правовой реальности России коррупция представлена двумя дискурсами: официальным, отраженным в законодательстве и правоприменительной практике, и социальным, отраженным в правосознании и определяющим правовое поведение граждан. Социальный дискурс коррупции является конвенциональным результатом правовой коммуникации горизонтальной направленности и представляет собой совокупность вербальных и невербальных правовых текстов, отражающих ценностное отношение российских граждан к феномену коррупции и определяющих их правовую коммуникацию в сфере коррупционных практик. Коррупция имеет глубокие исторические корни, а также выступает комплексным правовым архетипом сознания, фиксирующим государственную власть как жесткого носителя сакральных функций, охранителя целостности страны, облеченного полномочиями по продвижению личных и групповых интересов. Тем самым в широких слоях общества формируются ценностные установки сознания и поведения участников правовой коммуникации, ориентирующие их на «задабривание» представителей власти при необходимости удовлетворения индивидуальных (реже групповых или социальных) интересов даже при условии их противоречия законодательству. Коррупционное поведение воспринимается

в российском обществе как модель иерархического взаимодействия субъектов правовой коммуникации, целью которой, по мнению адресата, является повышение эффективности деятельности адресанта. Кроме того, коррупция становится неформальным средством «освобождения» от жестких и несправедливых, по мнению ряда представителей общества, требований законодательства. В этих условиях успешность институциональной борьбы с коррупцией будет достигнута лишь в том случае, если эта борьба предусматривает не только совершенствование антикоррупционного законодательства, но и противодействие теневым нормам, создание системы антистимулов коррупционного поведения, в том числе идеологически, посредством формирования ценностных установок граждан на неприятие коррупционных практик как непатриотичных и наносящих вред правопорядку и правовой культуре всего общества в целом.

Список литературы

1. Чагдурова Э. Г. «Транзитивность» как объект философского осмысления // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (1). С. 24–28.
2. Акимова Н. В. Коррупция в России: история и современность // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С. 36–38.
3. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза в вопросах доктрины и практики // Российская юстиция. 2016. № 8. С. 5–9.
4. Все о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / И. И. Бикеев и др.; под общ. ред. И. И. Бикеева, П. А. Кабанова. Т. 2. Казань: Изд-во «Познание» ИЭУП, 2014. 228 с.
5. Гишинский Я. И. Коррупция как социальный конструкт // Конструирование девиантности: монография / сост. Я. И. Гишинский. СПб.: ДЕАН, 2011. С. 161–169.
6. Кабанов П. А. Антикоррупционная информированность: понятие, содержание, условия формирования // Вестник: Административное право и практика администрирования. 2016. № 2. С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2016.2.18846>
7. Кудрявцев В. Н. Организованная преступность и коррупция в России (1997–1999) (главы автора В. Н. Кудрявцева). М.: Юр. норма, Инфра-М, Znanium.com. 49 с. URL: <https://znanium.com/read?id=204943>, по паролю (дата обращения: 10.09.2021).
8. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Противодействие коррупции в условиях пандемии коронавируса // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 58–60.
9. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Государство и право. 2000. № 4. С. 99–111.
10. Наумов А. В. Коррупционная преступность // Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / А. В. Наумов; сост. Е. Н. Карабанова, И. А. Стаценко; вступит. ст. О. С. Капинус. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2019. С. 103–117.
11. Номоконов В. А., Гилевская М. А. Коррупция в России и перспективы борьбы с ней // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1. С. 181–186.
12. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. № 5 (125). С. 39–52.
13. Трунцевский Ю. В. Причины бытовой (повседневной) коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 50–56. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-50-56>
14. A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption / Eu. Dimant, T. Krieger, M. Redlin // German Economic Review. 2014. Vol. 16 (4). Pp. 464–489.
15. Kroeze R. Lockheed (1977) and Flick (1981–1986): Anticorruption as a Pragmatic Practice in the Netherlands and Germany // Anticorruption in History: From Antiquity to the Modern Era / R. Kroeze, A. Vitória, G. Geltner (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 274–291.
16. Johnston M. Political Corruption and Public Policy in America. Monterey: Brooks Cole Publishing Co, 1982. 210 p.
17. Palifka B. J., Rose-Ackerman S. Corruption and Government: causes, consequences, and reform. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 644 p.
18. Tirole J. A Theory of collective reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality) // The Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63, № 1. Pp. 1–22.
19. Torsello D., Venard B. The Anthropology of Corruption // Journal of Management Inquiry. 2016. Vol. 25, Iss. 1. Pp. 34–54.

20. Political Corruption: Concept and Context / A. Heidenheimer, M. Johnston (eds.). 3th ed. New Brunswick, L.: Transaction Publishers, 2007. xvi, 970 p.
21. Jong-Sung You. Democracy, Inequality and Corruption: Korea, Taiwan and the Philippines Compared. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 308 p.
22. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press, 2004. 512 p.
23. Krawietz W. Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive // *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert* / W. Brugger, U. Neumann, S. Kirste (eds.). Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2008. S. 181–206.
24. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
25. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
26. Коновалова М. В. Типы когерентности юридического дискурса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 21. С. 83–86.
27. Коррупция как социально-правовое явление: антропологический анализ / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов, А. И. Скоробогатова // *Диалектика противодействия коррупции: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 23 ноября 2018 г.* Казань: Татарский центр образования «Таглитмат»; Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2018. С. 199–203.
28. Скоробогатов А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса // *Правовая культура*. 2019. № 2 (37). С. 30–38.
29. Краснов А. В. Легитимность права: аксиологический аспект // *Вестник экономики, права и социологии*. 2019. № 1. С. 87–90.
30. Петрянин А. В. Коррупция как угроза национальной безопасности и неотъемлемый элемент современного мира: вопросы уголовно-правового и криминологического противодействия // *Российский правовой журнал*. 2020. № 1. С. 63.
31. Глазкова Л. В. Государственный чиновник: история коррупции в России: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
32. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // *Архетип и символ* / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 98.
33. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Российский правовой архетип: сущность и содержание // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 4 (5). С. 28–33.
34. Мухамедьярова Л. В., Газизова О. В. Основные детерминанты коррупционного поведения и формирование антикоррупционной устойчивости // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 14-2. С. 90–96.
35. Скоробогатский В. В. Коррупция как способ легитимации власти // *Чиновник*. 2001. № 1. URL: <http://chinovnik.uara.ru/ru/issue/2001/01/13>, свободный (дата обращения: 02.09.2021).
36. Скоробогатов А. В., Юсупов А. А. Неофициальное право в контексте правового поведения // *История государства и права*. 2018. № 8. С. 9–14.
37. Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: монография / Т. Е. Бейдина и др.; под общ. ред. проф. Н. Н. Меньшениной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 202 с.
38. Сото Э. де. Иной путь: Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Catallaxy, 1995. С. 178.
39. Сюткина Е. Н. Кандыбович С. Л. Архетип как социокультурный феномен: философские и культурные основания // *Человеческий капитал*. 2016. № 7 (91). С. 6–15.
40. Валеров А. В. Обмен и распределение в системе социального взаимодействия первобытных и архаических обществ // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. 2012. Вып. 3. С. 41–59.
41. Гафарова Г. Р. Правовой статус участников финансовых правоотношений в сфере ценообразования // *Финансовое право*. 2012. № 9. С. 2–5.
42. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Коррупционное поведение как правовая максима российского общества // *Диалектика противодействия коррупции: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16 декабря 2016 г.* Казань: Изд-во «Познание» КИУ, 2016. С. 151–154.
43. Сиссенер Т. К. Феномен коррупции в антропологической перспективе (перевод О. Паченкова) // *Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции* / сост. и отв. ред. И. Б. Олимпиева, О. В. Паченко. СПб.: Алетей, 2007. С. 56–82.
44. The psychology of the corrupt: some preliminary findings / C. Nee, M. Button, D. Shepherd, D. Blackburn, S. Leal // *Journal of Financial Crime*. 2019. Vol. 26. № 2. Pp. 488–495.
45. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // *Социологические исследования*. 2014. № 7 (363). С. 63–71.
46. Алексин Э. В., Юрасов И. А. Коррупция: восприятие гражданами РФ // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1–1. С. 1512.

47. Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. 3-е изд. М.: КРАСАНД, 2011. 80 с.
48. Тимошук А. С., Трофимова Н. Н. Коррупция в культурной динамике социума // Вопросы культурологии. 2020. № 4. С. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.33920/nik-01-2004-07>
49. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 42–51.

References

1. Chagdurova, E. D. (2014). "Transitivity" as an object of philosophical reflection, *The Buryat State University Bulletin*, 6 (1), 24–28 (in Russ.).
2. Akimova, N. V. (2009). Corruption in Russia: history and modernity, *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2, 36–38 (in Russ.).
3. Astanin, V. V. (2016). Anti-corruption expertise in matters of doctrine and practice. *Rossiiskaya yustitsiya*, 8, 5–9 (in Russ.).
4. Bikeev, I. I. et al. (2014). *Everything about corruption and counteraction against it: terminological dictionary*, 2. Kazan, Izd-vo "Poznanie" IEUP (in Russ.).
5. Gilinskii, Ya. I. (2011). Corruption as a social construct, In *Constructing deviancy*, monograph. Saint Petersburg, DEAN, 161–169 (in Russ.).
6. Kabanov, P. A. (2016). Anti-corruption awareness: concept, content, conditions of formation. *NB: Administrative Law and Administration Practice*, 2, 38–54 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2016.2.18846>
7. Kudryavtsev, V. N. *Organized crime and corruption in Russia (1997–1999)* (chapters by V. N. Kudryavtsev). Moscow, Yur. norma, Infra-M, Znanium.com. <https://znanium.com/read?id=204943> (access date: 10.09.2021) (in Russ.).
8. Kurakin, A. V., Sukharev, A. N. (2021). Countering corruption in the context of the coronavirus pandemic. *Rossiiskaya yustitsiya*, 1, 58–60 (in Russ.).
9. Luneev, V. V. (2000). Corruption: political, economic, organizational and legal problems. *State and Law*, 4, 99–111 (in Russ.).
10. Naumov, A. V. Corruption crime. In A. V. Naumov. *Selected works. On the reform of the Russian Criminal Code (publications of 2009–2019)*. Moscow, Un-t prokuratury Ros. Federatsii, 2019, 103–117 (in Russ.).
11. Nomokonov, V. A., Gilevskaya, M. A. (2009). Corruption in Russia and prospects of struggle against it. *Actual Problems of Economics and Law*, 1, 181–186 (in Russ.).
12. Tikhomirov, Yu. A., Trikoz, Ye. N. (2007). Law against corruption, *Journal of Russian Law*, 5 (125), 39–52 (in Russ.).
13. Truntsevskiy, Yu. V. (2020). Reasons for petty (commonplace) corruption. *State power and local self-government*, 6, 50–56 (in Russ.). <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2020-6-50-56>
14. Dimant, Eu., Krieger, T., Redlin, M. (2014). A Crook is a Crook... But is He Still a Crook Abroad? On the Effect of Immigration on Destination-Country Corruption. *German Economic Review*, 16 (4), 464–489.
15. Kroeze, R. (2018). Lockheed (1977) and Flick (1981–1986): Anticorruption as a Pragmatic Practice in the Netherlands and Germany. In R. Kroeze, A. Vitória, G. Geltner (eds.). *Anticorruption in History: From Antiquity to the Modern Era*. Oxford, Oxford University Press, 274–291.
16. Johnston, M. (1982). *Political Corruption and Public Policy in America*. Monterey, Brooks Cole Publishing Co.
17. Palifka, B. J., Rose-Ackerman, S. (2016). *Corruption and Government: causes, consequences, and reform*. Cambridge, Cambridge University Press.
18. Tirole, J. (1996). A Theory of collective reputations (with Applications to the Persistence of Corruption and to Firm Quality). *The Review of Economic Studies*, 63 (1), 1–22.
19. Torsello, D., Venard, B. (2016). The Anthropology of Corruption. *Journal of Management Inquiry*, 25 (1), 34–54.
20. Heidenheimer, A., Johnston, M. (eds.) (2007). *Political Corruption: Concept and Context*. 3rd ed. New Brunswick, L., Transaction Publishers.
21. Jong-Sung, You. (2015). *Democracy, Inequality and Corruption: Korea, Taiwan and the Philippines Compared*. Cambridge, Cambridge University Press.
22. Habermas, J. (2004). *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society*. Cambridge, Polity Press.
23. Krawietz, W. (2008). Juridische Kommunikation im modernen Rechtssystem in rechtstheoretischer Perspektive. In W. Brugger, U. Neumann, S. Kirste (eds.). *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert*. Frankfurt-am-Main, Suhrkamp, 181–206.
24. Polyakov, A. V. (2014). *Communicative legal consciousness: Selected works*. Saint Petersburg, Alef-Press (in Russ.).
25. Chestnov, I. L. (2012). *Postclassical theory of law: monograph*. Saint Petersburg, Alef-Press (in Russ.).

26. Konovalova, M. V. (2008). Types of coherence of juridical discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 21, 83–86 (in Russ.).
27. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V., Skorobogatova, A. I. (2018). Corruption as a social-legal phenomenon: anthropological analysis. In *Dialectics of corruption counteraction: works of the 8th All-Russian scientific-practical conference with international participation, November 23, 2018*. Kazan, Tatarskii tsentr obrazovaniya "Taglimat"; Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 199–203 (in Russ.).
28. Skorobogatov, A. V. (2019). Valuable Determination of Legal Discourse. *The Legal Culture*, 2 (37), 30–38 (in Russ.).
29. Krasnov, A. V. (2019). Legitimacy of law: axiological aspect. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 1, 87–90 (in Russ.).
30. Petryanin, A. V. (2020). Corruption as a threat to national security and an indispensable element of the modern world: issues of criminal-legal and criminological counteraction. *Rossiiskii pravovoi zhurnal*, 1, 63 (in Russ.).
31. Glazkova, L. V. (2016). *A state official: history of corruption in Russia*: monograph. Moscow, Prospekt (in Russ.).
32. Yung, K. G. (1991). On archetypes of the collective unconscious. In *Archetype and symbol*. Moscow, Renessans (in Russ.).
33. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2015). Russian legal archetype: essence and contents. *Russian Journal of Legal Studies*, 2 (4), 28–33 (in Russ.).
34. Mukhamedyarova, L. V., Gazizova, O. V. (2014). Main determinants of corrupt behavior and the formation of anti-corruption stability. *BSU Bulletin*, 14-2, 90–96 (in Russ.).
35. Skorobogatskii, V. V. (2001). Corruption as a means of power legitimization. *Chinovnik*, 1. <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2001/01/13> (access date: 02.09.2021) (in Russ.).
36. Skorobogatov, A. V., Yusupov, A. A. (2018). An Informal Right in the Framework of Legal Behavior. *History of State and Law*, 8, 9–14 (in Russ.).
37. Beidina, T. E. et al. (2014). *Corruption in the Russian Federation: genesis, forms, technologies, counteraction*: monograph. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta (in Russ.).
38. Soto E. de. (1995). *Another way: Invisible revolution in the third world*. Moscow, Catallaxy (in Russ.).
39. Syutkina, E. N., Kandybovich, S. L. (2016). Archetype as a socio-cultural phenomenon: philosophical and cultural foundations. *Chelovecheskij Kapital*, 7 (91), 6–15 (in Russ.).
40. Valerov, A. V. (2012). Exchange and distribution in the system of social interaction of primitive and archaic societies. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 3, 41–59 (in Russ.).
41. Gafarova, G. R. (2012). Legal status of the participants of financial legal relations in the sphere of price formation. *Finansovoe pravo*, 9, 2–5 (in Russ.).
42. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. (2016). Corruption behavior as a legal maxima of the Russian society. In *Dialectics of corruption counteraction: works of the 6th All-Russian scientific-practical conference with international participation, December 16, 2016*. Kazan, Izd-vo "Poznanie" KIU, 151–154 (in Russ.).
43. Sissener, T. K. (2007). Phenomenon of corruption in anthropological perspective. In I. B. Olimpieva, O. V. Pachenko (Eds.). *Fighting a losing battle? Socio-anthropological approach to studying corruption*. Saint Petersburg, Aleteiya, 56–82 (in Russ.).
44. Nee, C., Button, M., Shepherd, D., Blackburn, D., Leal, S. (2019). The psychology of the corrupt: some preliminary findings. *Journal of Financial Crime*, 26 (2), 488–495.
45. Zhuravlev, A. L., Yorevich, A. V. (2014). Psychological factors of corruption. *Sociological Studies*, 7, 63–71 (in Russ.).
46. Alekhin, E. V., Yurasov, I. A. (2015). Corruption: the perception of citizens of the Russian Federation, *Modern problems of science and education*, 1–1, 1512 (in Russ.).
47. Illyustrov, I. I. (2011). *Juridical sayings and proverbs of the Russian people*. Moscow, KRASAND (in Russ.).
48. Tymoschuk, A., Trofimova, N. (2020). Corruption in the cultural dynamics of society. *Issues of Cultural Studies*, 4, 61–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.33920/nik-01-2004-07>
49. Kabanov, P. A. (2014). Anti-corruption education as a means of corruption counteraction: notion and content, *Actual Problems of Economics and Law*, 4 (32), 42–51 (in Russ.).

Вклад авторов

А. В. Скоробогатов – разработка концепции статьи, анализ и интерпретация научной литературы, написание результатов исследования.

А. И. Скоробогатова – написание аннотации, введения статьи, анализ и интерпретация научной литературы, подготовка списка литературы.

А. В. Краснов – разработка методологического инструментария статьи, анализ и интерпретация научной литературы, написание выводов статьи.

The author's contribution

A. V. Skorobogatov – concept design, analysis and interpretation of scientific literature, formulating the research results.

A. I. Skorobogatova – writing the abstract and introduction, analysis and interpretation of scientific literature, preparing the references.

A. V. Krasnov – elaborating the research methodology, analysis and interpretation of scientific literature, writing the conclusions.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 08.09.2021

Дата принятия в печать / Accepted 22.10.2021

ПОЗНАНИЕ

Кабанов, П. А.

Стимулирование реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ : аналитический доклад. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 91 с. (Серия: Противодействие коррупции).

В аналитическом докладе представлены результаты исследования правового регулирования стимулирования реализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Рассмотрены формы поощрения за правомерное антикоррупционное поведение, а также депоощрения лиц, ранее удостоенных региональных наград и совершивших впоследствии коррупционные деяния (преступления, административные правонарушения, проступки). Выявлены несоответствия между положениями регионального законодательства в вопросах поощрения и депоощрения как универсальных средств управленческого воздействия, а также предложены меры по его совершенствованию в целях повышения эффективности противодействия коррупции с использованием указанных средств.

Работа продолжает практику аналитических докладов НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова для органов публичной власти и по их обращению.

Доклад предназначен для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции на любых ее уровнях, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции и противодействия ей. Выводы исследования представляются особенно актуальными для субъектов Российской Федерации.